

Практически это претворялось в социально-исторической конкретизации тематики и самого содержания притч, в отказе от аллегорического дидактизма и в обращении к прямой и нередко совершенно открытой социальной сатире, сопровождаемой сознательным и резким преобразованием всего традиционного облика басни, трансформацией устоявшихся аксессуаров жанровой поэтики и их экспрессивных функций. Естественно, что подобная басня не могла бы конструироваться на началах, которые не представлялись бы в России исконными. Острое чувство социальных и национальных задач своей притчи — безусловная творческая заслуга Сумарокова. Однако что мог бы принять Сумароков для своей притчи у русских авторов XVII в.?

Вот в отношениях сумароковской басни к западноевропейской, прежде всего лафонтеновской, казалось бы, все понятно, хотя и довольно противоречиво. Басни Сумарокова опираются на богатейшую западноевропейскую фабулистику. Они наследуют и «натурализуют» ее традиционных персонажей в их жанровом амплуа, заимствуют и такую центральную композиционно-художественную категорию, как личный голос рассказчика во всей гамме его речевых проявлений — во всевозможных авторских рассуждениях и отступлениях, в пояснениях и оценке происходящего на жанровой сцене, в обращениях к читателю как воображаемому непосредственному собеседнику и к самим участникам фабульного действия или стоящим за их спиной социальным адресатам. Наследуются схемы построения повествования, его мотивации и экспрессивного разрешения, и другие, более частные элементы.

И в то же время сумароковская притча отличается яркими локально-колористическими элементами, а главное сама манера рассказа Сумарокова, «сказ» его притчи организуется на иных принципах — в иной экспрессивной манере, от иного национально-исторического, социально-психологического и эстетического субъекта, нежели в басне Лафонтена или Геллерта, не говоря уже о Федре.

А что, например, мог бы найти Сумароков для своей притчи в опыте русских авторов XVII в.?

Оказывается, не так уж мало. В XVII в. на Руси в басне были опробованы: и экспрессивная мобилизация народно-речевых элементов (на фоне строго сознаваемой книжно-литературной нормы) и элементов рашника; и памфлетно-сатирическое преломление традиционных басенных сюжетов, столь знакомое нам затем по выпадам Сумарокова против его литературных оппонентов; и концентрированный гротеск, так характерный для притч Сумарокова; и даже личный голос то иронического, то негодующего рассказчика.

Разумеется, масштабы их проявления не идут ни в какое сравнение с сумароковскими, но тем не менее басне XVII в. в России они знакомы. Однако это — предмет уже другой статьи: о повествовательных формах басни в России XVII в.